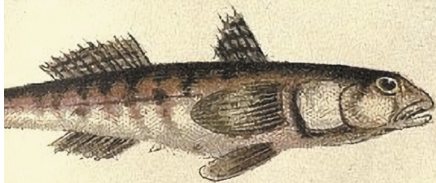

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

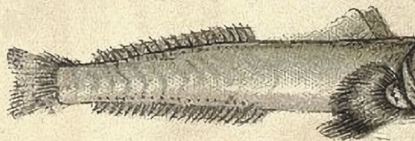
РЫБА ГОВОРИТ

68

69

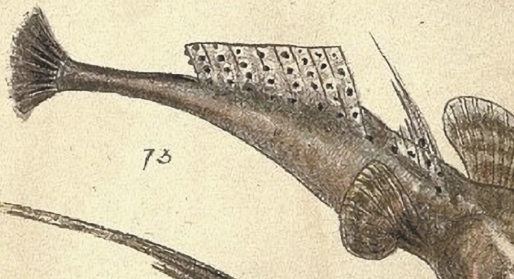

65

РУССКИЙ
ГУЛИБЕР

74

73

Сергей Михайлов

Рыба говорит

Серия «Поэтическая серия «Русского Гулливера»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54968633

Рыба говорит: Русский Гулливер; Центр современной литературы;

Москва; 2020

ISBN 978-5-91627-234-5

Аннотация

Книга Сергея Михайлова «Рыба говорит» – очередное (неожиданное) доказательство того, что русская поэзия еще жива, более того – в ее традиционной форме. Хлебников говорит: «Когда умирают люди – поют песни». В этой книге, вероятнее всего, сам того не собираясь делать, Михайлов запел. Даже верлибр, приходя в естественное состояние на волне открытых эмоций, превращается в песню. Рифмованная поэзия, замешанная на сильных эмоциях, на это обречена. «Это очень горькие стихи, и очень “про сейчас”, и очень русские... Книга дарит чувство непокоренности, вдыхает надежду», – говорит о стихах Михайлова Дмитрий Веденяпин. Автор скользит по стилям, играет с письмом разных эпох. «Здесь всё произносится сквозь зубы, стиснутые опытом боли, которую не унять никакой близостью, никаким искусством», – комментирует

стихи Александр Скидан, считающий, что песни Михайлова «пропущены сквозь прозу, подчас самую низкую». «На мелодию романса или блатной песни ложится прерывистое личное дыхание. И это соединение легкого мотива с тяжелыми словами заявляет себя как тревожная новость», – завершает его мысль Михаил Айзенберг. В этой тревожной новости можно разглядеть весть. В чем она заключается – решать читателю. Издается в авторской редакции.

Содержание

О книге	6
«Двое уже пропали на этой койке...»	10
«Калинин ад приветствует тебя...»	11
«С Девау подымается туман...»	13
«Как кёнигсбергская брусчатка...»	14
«Человек, который похож...»	15
«Маленькая Джульетта...»	16
«Уходя не скупись отоваривай...»	18
«Таперича не то что давеча...»	19
Казацкая	20
Конвой	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Михайлов

Рыба говорит

© С. Михайлов, текст, 2020

© Е. Лямина, фото, 2020

© «Русский Гулливер», издание, 2020

© Центр современной литературы, 2020

О книге

Это очень горькие стихи, и очень «про сейчас», и очень русские... В них много страха (нашего общего) и даже отчаяния, и всё-таки, уж не знаю почему, благодаря ли стилистическому разнообразию, технической находчивости или просто-напросто нетривиальности авторской поэтической мысли, – книга дарит чувство непокоренности, вдыхает надежду.

Дмитрий Веденяпин

Лучшие люди нашего падшего мира рождаются на окраинах бывших империй. Они могут существовать где угодно, они говорят голосами деревьев и домов заброшенных окраин, той странной, отчаянной местности, с которой, несомненно, связывает себя автор этой книги. Сергей Михайлов – денди пространства, где вместо вертикали власти движутся разные векторы переживания: общего человеческого и нездешнего метафизического. Это уникальный, утончённый автор заката России.

Елена Фанайлова

Поэзия постоянно меняется, и вменяемый автор пытается следовать той же тактике: не фиксироваться, а «скользить» по стилям. Стилем становится само это скольжение: его направление, его скорость. Вот и у Сергея Михайлова стиховой темп входит в само содержание высказывания. На мело-

дию романса или блатной песни ложится прерывистое личное дыхание. И это соединение легкого мотива с тяжелыми словами заявляет себя как тревожная новость.

Михаил Айзенберг

Локус Калининграда-Кёнигсберга обладает двойственной, по сути, антагонистической природой: с одной стороны, это место пересечения и взаимодействия, как правило насильственного, разных культур и цивилизаций, с другой – образцовая «ничейная земля», место, из которого когда-то изъяты его автохтоны и наделяемое то и дело чужими смыслами («...То были наши дети / На краденой планете...»). Поэзия Сергея Михайлова в каком-то смысле конгениальна этому пространству: насыщенность разнородными и разноприродными реалиями и отсылками, она репрезентирует в то же время некое тотальное отсутствие, неизбывную тоску по той наполненности мироздания смыслом, который бы не светил отраженным светом («Хочешь знать как ржавеет нож / В доме в котором ты не живёшь...»). Мир полон обманок, выморочных предметов и явлений («Зуммер лампочки больной / Ноет надо мной / Чей то голос не к добру / Я не разберу...»). Подобный неизбывный трагизм маскируется блеском и филигранным письмом Михайлова, и в то же время – легкостью и лихостью его просодической манеры, не побоюсь этого – слова – напевностью (при всей насыщенности анаколуфами, эллипсисами и плеоназмами), но не обманет внимательного читателя.

В формальном плане, если понимать «форму» в узком смысле, стихи Сергея Михайлова довольно традиционны (не случайно эпиграфом к одному из стихотворений взята фраза из «Архивного дела» Бунина).

Автор словно бы застегивается на все пуговицы униформы с высоким стоячим воротником, это помогает держать выправку и не бросать слов на ветер. Мусорный, сбивающий с ног ветер истории, на котором не слышать сказанное за десять шагов. Тем важнее, если все же эти десять шагов проделать, интонация, мгновенно цепляющая своей подлинностью, настоянная на горечи и стоическом принятии неизбежной дистанции. Здесь все произносится сквозь зубы, стиснутые опытом боли, которую не унять никакой близостью, никаким искусством. Но и безыскусными эти стихи не хотят притворяться. «Архивное дело» – не стихотворение, а рассказ Бунина, однако фраза, взятая эпиграфом, – «...всё пришивал да присургучивал...» – вполне способна заставить читателя обмануться. Рассказ датирован 1914-м, годом катастрофы, и повествует о нелепой смерти старичка-переписчика, этакой реинкарнации Акакия Акакиевича. И это лишь один, но характерный пример того, как не самые очевидные нюансы и подтексты образуют подкожную ткань, нерв этой поэзии, пропущенной, по завету другого «архаиста», сквозь прозу, подчас самую низкую. В самодисциплине, скрытности, нежелании притворяться – ее особое достоинство, столь

редкое в наши дни.

Александр Скидан

«Двое уже пропали на этой койке...»

двое уже пропали на этой койке
только приляжет и всё нет человека
вы гражданин прекращайте свои попойки
я полночи ворочаюсь как моральный калека
ах душа моя девочка что же ты так поблекла
выйдешь в общество каждый второй покойник

«Калинин ад приветствует тебя...»

Калинин ад приветствует тебя
Широкоскулой девичьей улыбкой
Что видел ты у матери над зыбкой
Ей грудь ненасытимо теребя
В окне висела розовой скибкой
Луна ещё безмолвна и груба
Тобой не просвещённая раба
Монаршей ночи без того уж зыбкой
К рассвету всенародная труба
Когда заныла похоронной скрипкой
И заплутала в бородёнке хлипкой
К тебе не проходимая тропа

Калинин ад приветствует тебя
Промозглым парком и скамейкой липкой
Оборванной как жизнь трамвайной ниткой
Столь нищенским исходом октября
Что кажется неиспросимой пыткой
Сияние советского рубля
Со дна морского нивами репя
Луной всё так же и немой и брыдкой
Над «сковородкой» да потешной дыбкой
Тебе по чину колья затупя
Тебе к надгробью брошенной гвоздикой

Калининград приветствует тебя

«С Девау подымается туман...»

С Девау¹ подымается туман.
Не цеппелин, не, господи, биплан —
Туман, что твёрже стали.
Он занимает город. Взят взаймы,
Тот зябнет в приближении зимы
Между кострами.

Между кострами бродит человек,
Вместилище души, как чебурек —
Прокрученного мяса.
Не разбирая ни дорог, ни косм,
Он в город вышел, как в закрытый косм.
Посланник Марса.

Посланник Марса хочет сдаться в плен
Туману и, туманом ослеплен,
Роняет гнева гроздь.
А город с помороченной судьбой,
Удара не дождавшись, сам собой
Летит на воздух.

¹ Девау – бывший немецкий аэродром, ныне находящийся в черте Калининграда и бездействующий.

«Как кёнигсбергская брусчатка...»

Как кёнигсбергская брусчатка
Лежат икринки в банке Chatka
Лежит широкая страна
Как скомканная простыня
Одним концом впадая в море
Другим промакивая горе
Там только ставят brut на лёд
А здесь народ уже блюёт

«Человек, который похож...»

Человек, который похож,
Вылезает из хрустких кож
И ползёт на разведку.
Звать никак того подлеца,
Ибо нету на нём лица:
Проявляет он сметку,

Оставляя токсичный след, —
Он и сам от него ослеп
На невидимом фронте,
Где ползёт, не щадя живота,
И вслепую бьёт не шутя.
Вот такая вот шутка, Монти²!

² См. Monty Python's Flying Circus, 1 эпизод, 1969 год.

«Маленькая Джульетта...»

Маленькая Джульетта
Сухонькая старушка
Спасала семью
От шакалов Джевдета

Сестру звали Дорой
Поздний ребёнок
Бросили как суку
Подыхать под забором

Муж поднял всех в ауле
А те на своих джипах
Семерых схватили
Тело не вернули

За ним пошёл старший
Как не удержала
Зигфрид мой милый
Вспомнить страшно

Если б не трое младших
Так выпила бы уксус
Горе горькое горе
А послушать ваших

Там все ваххабиты
Чума на их лица
Мы здесь по пятницам
Вы к нам приходите

«Уходя не скупись отоваривай...»

«...всё подшивал да присургучивал...»

И. Бунин, «Архивное дело»

Уходя не скупись отоваривай
Чем богат в сюртучке отпускном
Присургучит червяк-архивариус
Штемпелёчки присыплет песком
Подошьёт постранично кореньями
Не бойсь говоря возвернём
Не тебе так другим поколениям
Долговые расписки времён
Общакон и крымскон покорения

«Таперича не то что давеча...»

Таперича не то что давеча
Что было давеча то возверни поди
Кому не нравится нехай задавится
А самолучшее напереди

А смертушка да и она пускай
Обымет матушка не оторвёшь
Оденет в новое посуду с напуском
Грешно закапывать ядрёна вошь

С таким-то напуском я б лучше к девицам
Могила скучная не то любовь
Под горку скатеркой дорожка стелется
Не встрену ласковой пойду к любой

А коли муж у ей да коли в ём она
Не чуёт глупая своей души
Тады Семёновна да ты Семёновна
Со мной детинушкой давай спляши

Казацкая

Ой темна вода за окном
Что несёт она и о ком
Кто гуляет кто в ней поёт
Кто по эту сторону пьёт

Кто прижат её каблуком

Я пою и горькую пью
Каблуком топчу жизнь мою
Нету моей жизни хоть плачь
Сам себе я хач и палач

Подышать окно отворю

Выйду я на улицу зря
За другой такой говоря
А всё с той же с этой вернусь
Пей меня разлей моя Русь

Вся-то грусть моя в газырях

Не стыди меня моя мать
Мне с тобой отца не видать
Что ли я не твой не казак

Положи себя в мой рюкзак

Хватит спать айда воевать

Мы с тобой по полю пойдём
Горем опоён чернозём
Полегли невинные сплошь
А ты меня спасёшь унесёшь

Проторчу остаток гвоздём

Ой темна повсюду река
Ночь безвидна и глубока
Где ты есть возникни Господь
Выверни меня на испод

Пожалей свово казака

Конвой

Колыхалась в стаканах водочка,
Дым стоял телеграфным столбом,
И горела гранёная звёздочка
На погоне моём голубом.

Поезд нёсся в туман сиреневый
И гудел на степь свысока.
Мы на вечное поселение
Конвоировали зэка.

Наши родные поднадзорные —
Вор в законе, столичный мент
И по мелочи псы позорные,
Политических только нет.

Их народный суд не помиловал,
Им срока́ никто не скостил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.